

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОЖНЕНИЯ. ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Гавриленко Станислав Михайлович – кандидат философских наук, доцент. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: o-s@proc.ru

В статье подводятся некоторые итоги дискуссии об исторической эпистемологии. Указывается на ее двусмысленность: как выделенного места в интеллектуальном поле и как проекта, который еще только должен быть построен. На основе замечаний, высказанных участниками обсуждения, выдвигается предположение об исторической эпистемологии как специфической зоне маневров и обменов между философией и эмпирическими исследованиями знания.

Ключевые слова: историческая эпистемология, контингентность, философия, проблематизация

HISTORICAL EPISTEMOLOGY: NECESSARY COMPLICATIONS. REPLY TO CRITICS

Stanislav Gavrilenko – PhD in Philosophy, assistant professor. Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: o-s@proc.ru

This paper sums up the discussion on historical epistemology, pointing on its ambivalence as singled out place in intellectual field and as some project, that should be assembled. Based on remarks of the discussion participants, we make an assumption, that historical epistemology is a specific zone of maneuvers and interchanges between philosophy and empirical studies of knowledge.

Keywords: historical epistemology, contingency, philosophy, problematization

Прежде всего, хотелось выразить искреннюю благодарность уважаемым коллегам, которые нашли время и желание высказать свои замечания и замечания на текст, претензии которого были с самого начала очень скромны, а «предположение» стало основным логическим императивом высказанных в нем утверждений. Конечно, представленный набросок не претендовал на полноту и вынесение окончательных вердиктов – осторожность и некоторая неуверенность были его стиливыми особенностями. В нем многого не хватает, а целый набор связей и отношений был сознательно опущен. Эллиптичность изложения могла создать ощущение, что речь идет об отношениях между двумя монолитами – философией и социологией, где даже постоянная отсылка к «историческим и социальным дисциплинам» (во множественном числе) не могла выступить достаточной гарантией обратного.

Любая попытка определить (указать, задать) «историческую эпистемологию» предполагает движение по многим возможным траекториям и сериям, схождение которых ведет к образованию некоторой подвижной конфигурации в крайне динамичном интеллектуальном

ландшафте, которую мы и пытаемся назвать «исторической эпистемологией». Линия, которую мы попытались наметить, это вторжение социальных и исторических дисциплин в область исследований знания и привнесенный ими новый способ говорить о знании, а главное, его исследовать: реконструировать науку как символическую форму, работая в библиотеке Аби Варбурга (как это делал Кассирер) или заниматься ее «рациональной реконструкцией» в стиле Лакатоса, это не то же самое, что исследовать науку в поле, отправившись для этого в этнографическое путешествие в лабораторию Института Солка (как это сделал Латур, «следуя за акторами»). И нами была предпринята попытка эксплицировать это различие и его следствия¹. Эта линия важна, но, конечно же, не является единственной. Зинаида Александровна Сокулер справедливо отмечает, что «историческая эпистемология» – это «контингентно сложившееся наименование для определенного способа смотреть на науку, который не связан необходимым образом с работой именно историка науки». «Контингентность» означает не только случайность (в смысле того, что не является необходимым), но и отсутствие единого истока. Признательность коллегам, предложившим свои реплики и выступившими, в конце концов, союзниками, связана не в последнюю с тем, что они восстанавливают некоторые важные связи и траектории: научная революция рубежа XIX–XX вв., внесшая свой вклад в изменение «образа науки» (как всегда проницательные замечания Зинаиды Александровны); трансформация определенных сегментов философского поля в «сторону продумывания конечности познания и существования» (нетривиальные рассуждения Александра Александровича Писарева)²; социально-экономическая динамика дисциплинарной модели науки (представленная в блестящем социологическом этюде Ольги Борисовны Кошовец), объясняющая «слабую

¹ Очевидно, что предложенная постановка вопроса многим обязана Яну Хакингу, который еще в работе 1983 года описывает господствующую версию философии науки как философию представления. См.: [Хакинг, 1998].

² А.А. Писарев указывает на важное следствие этой трансформации (утверждение, с которым мы не можем не согласиться): экспорт философских концептов в эмпирические исследования знания. Показательными примерами являются «докса» и «габитус» Бурдые (сложнейшая генеалогия «габитуса», помимо прочего, отсылает к феноменологии тела Мерло-Понти и аналитической философии языка с ее проблемой диспозиций и диспозиционных предикатов), «сеть» Латура (которая в соответствии с его неоднократными пояснениями ассоциируется не с технологическими сетями, а восходит к модели психического как пучка, переплетения волокон, представленной Дидро в «Сне Д^т Аламбера»), «языковая игра» и «форма жизни» Витгенштейна, в терминах которых Шейпин и Шеффер реконструируют экспериментальную программу Бойля [Shapin, Schaffer, 2011]. Любопытный парадокс, требующий, наверное, отдельного рассмотрения, состоит в том, что этот перенос обеспечивается зонами философии и авторами, которые не часто (если вообще) фигурируют в университетских курсах по истории и философии науки (Уайтхед, Деррида, Делёз, Сёрр, ДеЛанда и др.).

институализацию и вписанность» исторической эпистемологии в «сложившиеся дисциплинарные рамки». Принятие во внимание этих связей и траекторий – очевидное усложнение разговора об исторической эпистемологии. Но это усложнение необходимо (и сделанные уважаемыми коллегами замечания это убедительно показывают), чтобы этот разговор вообще имел шанс оказаться содержательным.

Пример обсуждения «исторической эпистемологии» показывает, что категории и классификаторы, при помощи которых мы описываем «интеллектуальные миры» (в том числе те, в которые непосредственно встроены сами), едва ли могут быть заданы родо-видовыми определениями и упорядочены согласно формальным требованиям, предъявляемым школьной логикой к классификациям³. Характерны в этом отношении колебания нашего самого сурового критика Татьяны Дмитриевны Соколовой, которая, к сожалению, зачастую поспешно и весьма произвольно истолковывает высказанные нами соображения, колебания, показывающие, что ставка на «простоту»⁴ и логическую выверенность не всегда срабатывает. Историческая эпистемология «определяется» ею то как «особый набор вполне конкретных философских течений, которые, несмотря на различия в ряде методологических приемов, все же имеют определенные дисциплинарные очертания», то как «уже далеко не новая философская дисциплина», то, наконец, как «вполне рабочая методологическая программа внутри группы философских дисциплин, изучающих знание и его производство». Одна из сложностей с определением «исторической эпистемологии» состоит в том, что мы вынуждены балансировать между *описанием* – указанием на некоторое выделенное, хотя и смутно различаемое, место в интеллектуальном поле – и *предписанием*, т. е. стремлением это место создать и каким-то образом обустроить (историческая эпистемология как проект, который еще предстоит собрать или пересобрать).

Поэтому мы согласны с предложенным А.А. Писаревым представлением исторической эпистемологии как своеобразного «гетерогенного поля сложных маневров и обменов между полюсами философии и исследующих знание эмпирических дисциплин», поля, одним

³ Известно, хотя это и нечасто признается, что родовидовое представление понятийных структур (характерное для педагогики и энциклопедий) весьма отдаленно «отображает» их реальное функционирование в научных и исследовательских практиках. Показательно, как, например, Фуко конструирует понятие дискурса в своей теоретически изощренной и строгой «Археологии знания» [Фуко, 2004]. Можно показать, что у Фуко термин «дискурс» подвержен всем возможным превратностям метонимических переносов. О «неклассических» (ненормативных и эмпирических мотивированных) моделях классификации и категоризации см. [Лакофф, 2004].

⁴ Автору замечаний под претенциозным названием «Зачем усложнять?» хотелось бы напомнить высказывание уважаемого ею Гастона Башляра – «простое – это всегда упрощенное».

из регулирующих принципов которого является антифундаментализм (З.А. Сокулер). Историческая эпистемология – это, скорее, не дисциплина, которая может предъявить себя в рабочих объектах, работающих методах, стандартизированных описаниях и множестве, пусть и конкурирующих, теорий, а пространство проблематизаций (см.: [Galison, 2008]) и порой радикальных форм интеллектуального экспериментирования. Это зона, где продумываются те неизбежно рискованные и исторически изменчивые игры, которые ведут различные режимы знания с миром (будучи вписанными в него), а также их условия и последствия, место, где знание встречается с самим собой в условиях отсутствия (или отказа от) любых трансцендентных и трансцендентальных гарантий, т. е. как контингентное и конечное. Но не угадывается ли за всем этим, в конечном счете, онтологический вопрос: что это за странная модальность существования – знание?

Список литературы

- Лакофф, 2004 – *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка могут нам сказать о категориях мышления. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 512 с.
- Хакин, 1998 – *Хакин Я.* Представление и вмешательство: Введение в философию естественных наук. М.: Логос, 1998. 296 с.
- Фуко, 2004 – *Фуко М.* Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитар. акад.»; Университет. кн., 2004. 416 с.
- Galison, 2008 – *Galison P.* Ten Problems in History and Philosophy of Science // *Isis*. 2008. Vol. 99 No. 1. P. 111–125.
- Shapin, Schaffer, 2011 – *Shapin S, Schaffer S.* Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle and Experimental Life. Princeton and Oxford, 2011. 448 p.

References

- Lakoff, J. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka mogut nam skazat' o kategoriyakh myshleniya* [Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 512 pp. (In Russian)
- Hacking, I. *Predstavlenie i vmeshatel'stvo: Vvedenie v filosofiyu estestvennykh nauk* [Representing and Intervening, Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science]. Moscow: Logos, 1998. 296 pp. (In Russian)
- Foucault, M. *Arkheologiya znaniya* [Archaeology of knowledge]. St. Petersburg: Universitetskaja kniga, 2004. 416 pp. (In Russian)
- Galison, P. “Ten Problems in History and Philosophy of Science”, *Isis*, 2008, Vol. 99, No. 1, pp. 111–125.
- Shapin, S., Schaffer, S. *Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle and Experimental Life*. Princeton: Princeton University Press, 2011. 448 pp.